

Испанская исследовательница Мария-Суарес Лафуэнте основывает свое исследование на другом интересном документе – контракте о приеме на работу, заключенном учительницей в 1923 году. Согласно этому контракту, в должностные обязанности учительницы входило: не выходить замуж, не посещать кафе-мороженое, приходить домой не позже восьми часов вечера, не пользоваться косметикой, не красить волосы, не надевать одежды ярких тонов, не пить пива или виски и подметать пол в школе по меньшей мере один раз в день [С. 43–45]. О чем свидетельствует такой документ? Что мы можем узнать из него о дисциплинирующих практиках и гендерных конструкциях? Ответы на эти и другие вопросы должны оказаться в центре студенческих дискуссий по окончании эмпирической части проекта.

Один из разделов книги представляет собой методические рекомендации для преподавателей, которые хотели бы использовать методологию *foremother* в своей работе. Этот раздел включает описание методологии: выбор фигуры *foremother*, отбор материалов, подготовку презентации, возможные трудности, результаты студенческих дискуссий и некоторые из полученных «открытий». Авторы подчеркивают, что успеху методологии *foremother* способствует форма обсуждения в виде неформальных бесед, характерных для женской социальной коммуникации [С. 57]. Следуя традициям феминистской педагогики, данная методология способствует усилению (*empowerment*) студенток и продуктивному использованию различий, существующих в классной комнате [С. 25].

В заключение хочется согласиться с авторами работы, отметившими, что использование данной методологии представляется особенно важным для преподавания в мультикультурных и междисциплинарных группах [С. 13, 24] и добавить пожелания о ее внедрении в преподавание гендерных и исторических курсов в России.

Юлия Владимировна Градскова
докторантка Школы Балтийских и Восточно-Европейских
исследований университетского колледжа Южного Стокгольма, Швеция
электронная почта: gragol14@yahoo.com

**Образ врага: Сборник / Сост. Л. Гудков. М.: ОГИ, 2005.
334 с. (Нации и культура: Новые исследования:
Россия / Russia). ISBN 5-94282-159-3.**

Образ врага, образ мира, образ жизни, образ молодежи и образ народа... – продолжать можно до бесконечности... Любая сфера реальности имеет своего «клона» в мире образов или любой образ, встраиваясь в реальность, начинает свое вполне вещное существование. Существовая лишь в умах людей, образ действительности, изначально призванный репрезентировать ее, в итоге становится явью... или же, напротив, действительность становится фантазмагорией, образом, «кажимостью» мира? Значимость образов в повседневности не вызывает сомнений. Ж. Бодрийар

[Бодрийар, 1992], например, считает, что соотношение реальности и образа перестает быть диалектическим, верх берет образ, навязывающий реальности свою «имманентную эфемерную логику». На фоне последних событий, связанных с межнациональными отношениями, стычками на этнической почве и ростом ксенофобии, образ врага становится действенным орудием манипуляции общественным мнением, в связи с чем огромный интерес представляют аналитические исследования, направленные на деконструкцию образов реальности, своеобразное «развенчивание» историко-социальных мифов о враге.

Рецензируемое издание отрекомендовано создателями как сборник материалов круглого стола, организованного информационно-политическим каналом Полит.ру и издательством ОГИ. Кроме того, в него вошли тексты, написанные специально для альманаха. В сборник включены статьи, затрагивающие, по словам редакторов, «болевые концепты российской идеологии» XVIII–XX веков. Дискурс врага представлен многогранно: масоны и соседи по коммунальной квартире, поляки, евреи и немцы, «лица кавказской национальности» и хазары. Исследовательский материал также разнообразен: доносы, кинохроника, плакаты, бюрократические документы, социологические опросы и публицистические выступления. По существу, сборник представляет собой серию статей, посвященных различным интерпретациям концепта врага. Альманах включает в себя как аналитические, так и прикладные исследования. Деконструкция образа врага производится посредством «обнажения» социокультурных, исторических и политических предпосылок, а также вскрытия механизма конструирования образа в коллективном сознании. Несмотря (а точнее, благодаря тому) на то, что в сборник были включены работы, выполненные в полях различных общественно-научных дисциплин, редактор достигает эффекта построения «многоплоскостной целостности» в реконструкции идеологемы «врага». Несомненно, важную роль в этом играет компоновка материала, единство которому придает дифференциация по эпохам и тематике. Ключевое место в осмыслении образа врага занимает национальный враг, «чужость» которого определяется его этничностью, но включение материала, посвященного жилищному вопросу («постороннему» в коммунальной квартире), значительно расширяет проблемное поле. Основной же акцент сделан на концептуализации «этнокультурного» чужого и его политической мифологизации в образе врага.

Предваряет сборник аналитическая статья Л. Гудкова. Основанная на концептуализации и теоретизации образа врага, она подкрепляется размышлениями автора, статистическими данными, а также историческими фактами и литературными примерами. Л. Гудков рассматривает актуализацию риторики врага в качестве механизма массовой консолидации и «реанимации» архаичных интегративных пластов массовой идентичности. По мнению автора статьи, воспроизводство образа врага в качестве консолидирующего начала воссоздается на протяжении полутора поколений, и уходит своими корнями к временам советской власти, легитимация которой осуществлялась с использованием комплексов внутренней зависти, пассивности, неопределенности, партикуляризма в сочетании с диффузностью индивидуальной идентичности [С. 8]. Анализ мониторинга общественного мнения позволил автору

сделать вывод о том, что враг рассматривается в качестве условия массового тонуса 1999–2000-х годов. Актуализация образа врага означает, что «само общество начинает испытывать сильные социальные напряжения, источники которых с трудом опознаются и рационализируются» [С. 11]. При этом «враг» определяется как таковой только при генерализации его характеристик: неопределенность, непредсказуемость, асоциальная сила. Ведущая роль при активизации образа врага приписывается не элитам, СМИ, но массе, в соответствии с потребностями которой действует механизм пропаганды. Риторика врага связывается автором с традиционным обществом и тоталитарным режимом, а эффективность образа связана не с изобретением фактора угрозы, но с актуализацией периферийных «отработанных» представлений, выступающих в качестве средств первичной социализации, мифологических структур массовой идентичности. Л. Гудков обращает внимание читателя на отсутствие отечественных работ в литературе, культурологии, истории, психологии, тематизирующих образ Врага, связывая это с травматическим опытом страны, табуирующим этот вопрос.

Идея «архетипичности» образа врага, мысль об активации глубинных пластов идентичности часто звучат в сборнике, находя свое яркое выражение в материале Клауса Вашика при анализе плакатной пропаганды. Предметом исследования выступили образы Врага, а также идеологические и пропагандистские средства. Исследование образа врага в плакатном искусстве 1930–50-х годов в СССР и Германии подразумевает гиперссылку к историческому контексту, бытующие в котором идеи угрозы затем были визуализированы средствами пропаганды. Статья строится на сопоставлении целей, механизмов и средств пропаганды на материале советских и национал-социалистических образов плакатной агитации. Подчеркивается актуализация «архетипичности» врага, выделяются символические приемы и типы изображения врага. К. Вашик приходит к выводу о том, что типологии образов врага в конечном итоге построены на традиционных исходных мотивах начала XX века, например, лубочной живописи и иконографии. Немецкий плакат, носивший расистские черты и воспроизводивший мотивы «русской угрозы», антисемитизма и призыва к «тотальной войне», был направлен на легитимацию ведения военных действий. Автор отмечает, что немецкий плакат не был соотнесен с настоящим и представлял собой фантазмагорию, воспроизводящую себя саму, но не реальность. В то время как советский плакат, будучи антифашистским, не носил антинемецкую направленность, а образы фашистов в них были либо карикатурно смешны, либо пугающе-зловещи, что достигалась не путем инициализации архаичных страхов, но больше посредством гротескного отражения реальных событий. Безусловный интерес представляет предложенная типология образов врага и символических средств его изображения в плакатной живописи. Анализ исторического контекста, идеологии и социокультурного фона делает эту работу завершенной и насыщенной, сопровождение иллюстрациями, подпityвая текст визуальными образами, облегчает восприятие, позволяет читателю не просто пассивно воспринимать, но активно включаться в исследование.

Исследование К. Вашика перекликается с работой А. Назарова, посвященной исследованию трансформации врага в советских хроникальных кинофотодокумен-

тах военного времени. Обе статьи написаны по итогам исследований визуального материала одного и того же периода. Кинохроника, являясь таким же продуктом идеологии, как и плакат, репрезентирует те же образы врага. В качестве инструментов агитации плакат и кинофотохроника являются дополняющими друг друга, сами исследования комплиментарны, а их результаты соотносимы. В ходе исследования автор выделил две вехи в изображении врага. Для первого этапа было характерно карикатурное изображение немцев как трусоватых, глупых, но достаточно миролюбивых представителей дружественного народа, гонимых на войну «кликой кровожадных правителей» [С. 187]. Это образ поверженного врага, так необходимый СССР в самом начале войны, абсолютно не соответствовал реальности и противопоставлялся образу бойца Красной Армии. Второй этап знаменовался изображением зверств, разрушений, нанесенного ущерба. По мнению автора, этот прием должен был вызвать чувство ответственности у каждого конкретного человека и мобилизовать население для решительного отпора. Анализ был проведен на материале обширной фильмографии, с применением средств визуального анализа и учетом исторического контекста.

Статьи Дугласа Смита, Йоханан Петровского-Штерна, Михаила Долбилова и Виктора Шнирельмана выполнены в ключе исторической аналитики. На материале анализа исторических документов и архивов авторы делают выводы об истоках ксенофобских настроений, отголоски которых мы слышим и в наши дни. Мировой масонский заговор и антисемитизм, хазарская угроза и полонофобия – всего лишь результат политического мифотворчества правящих элит. Тесно вплетенные в историческую канву событий, сконструированные этнофобии оказываются встроенными в общественное сознание и олицетворяют собой стереотипизованный архетип угрозы. Изыскания авторов приводят к «расколдовыванию» реальности, обнажая историко-политические корни мифов о врагах России. Й. Петровский-Штерн в качестве ключевой причины пропаганды ксенофобских настроений (на примере полонофобии) называет реконструкцию национального мышления, целью которой была политическая русификация населения. Основываясь на историческом материале, автор приходит к выводу о существовании эмблематичных топосов, эксплуатируемых национализмом и в наши дни. Среди них: идея поиска, истоков, забытых традиций, пробуждение народной массы от векового сна, мобилизация внутренних сил общественного организма, воссоздание цельности «народного тела». Деконструируя современный антисемитизм, В. Шнирельман находит его истоки в мифе о хазарской угрозе. Вскрывая механизм ретрансляции мифа, значимое место он уделяет школе, СМИ, художественной и популярной литературе как медийным средствам получения знаний о мире. Подчеркивается инструментальный характер фобий, актуализация которых происходит «на злобу дня». Автор разворачивает миф о хазарских завоевателях в различных социально-политических контекстах, участвующих в формировании идей антисемитизма.

Анализ концепта Врага на страницах рецензируемой книги сфокусирован, в большей мере, на чертах / маркерах национального и этнического в его облике. Расширяя границы мифологии Чужого в сознании читателя, Илья Утехин ведет «Поиски “постороннего”» в приватной сфере советских граждан – в коммунальных квартирах. Созданная на материалах доносов и заявлений статья представляет собой

«архивное» расследование, иллюстрирующее советскую коммунальную повседневность, основным врагом в которой был не какой-то далекий внешний враг, но человек ближайшего окружения – сосед. Основная идея, вокруг которой разворачивается повествование, заключается, по словам автора, в следующем: «какие бы ни были враги у всего советского народа в целом, у отдельного советского человека тоже был враг – глубоко интимный, систематический». По своей сути статья представляет собой деконструкцию образа врага на микроуровне. Семейная, человеческая драма, выливаясь на страницы жалоб к высшим инстанциям, представляет собой отдельные кейсы, позволяющий исследователю поведать о «внутреннем враге» советского жителя «коммуналки».

Исследование образа Врага в современном историческом контексте представлено работами Алексея Левинсона и Галины Зверевой. В работе «“Кавказ” подмногие...» А. Левинсон останавливается на категории «лицо кавказской национальности» как современной мифологеме врага. Автор рассматривает исторические и социальные предпосылки к формированию образа врага из «кавказцев», рассматривая одни и те же обстоятельства в разных подходах, стараясь показать, как они отразились в разных дискурсах. Он разводит понятия «образ врага» и «лицо кавказской национальности» (ЛКН), исходя из того, кому принадлежит эта дефиниция. Так, «образ врага» рассматривается им как «сложный аналитический концепт», создатели и пользователи которого принадлежат «описывающей» стороне, а категория ЛКН принадлежит «описываемой» стороне. Рассматривая «национальность» как ведущую антропологическую квалификацию, он напоминает о ее возрастающей роли в 1990-е годы на постсоветском пространстве. Распад сложных социальных структур сопровождался компенсаторным укреплением отношений, на «примордиальных началах», кроме того, автор рассматривает категорию национального в качестве обладающей высокой мобилизационной силой. Сопоставление образов национальных врагов, воплощенных в виде «лиц кавказской национальности» и евреев, позволяет сделать вывод о перемещении фокуса неприязни на первых. Проводя аналогию, автор выявляет общие черты между классическим антисемитизмом XIX–XX веков и современными антикавказскими установками. В обоих случаях объектом, воплощающим образ Врага, является меньшинство, маркируемое специфичной внешностью, манерой речи (акцентом), «характерными» именами, традициями, языком. Дополнительными факторами, формирующими неприязнь, которая способствует появлению у «национального чувства» классового компонента, становится стремление членов меньшинств «держаться вместе», а также их успешность в предпринимательской деятельности. Дифференциация «лиц кавказской национальности» как чужих имеет, по мнению автора, географические детерминанты. Кавказ изначально «другая» территория, место, где продолжается ныне колониальная история России [С. 283]. А. Левинсон уделяет место массовой литературе в формировании образа врага-кавказца. Он называет это «фолк-историей», сообщающей людям уверенность в том, «они всегда нас ненавидели», «они тысячу лет с нами воюют». Фолк-антропологический подход служит объяснительным принципом инаковости. «Именно потому они к нам враждебны, что они иные», – поясняет автор принцип конструирования

образа врага [С. 287]. В статье уделяется внимание историческим аспектам формирования социокультурной мифологемы Кавказа, уделяется внимание депортации как комплексу «нераскаянного преступления» (но не комплекса вины), выливающегося в колониальной политике. Образ «кавказского врага» в статье конкретизируется, автор останавливается на истории формирования мифологемы ЛКН и ее роли в воспроизводстве антикавказских настроений, особое место в анализе уделяется триггеру войны, воплощенному в чеченском этносе.

Статья Галины Зверевой о репрезентации чеченской войны в дискурсах массовой культуры логично завершает тематизацию образа врага. Анализ особенности бытования понятий «война» и «враг» она начинает с обсуждения технологических аспектов образов «чужих» и «своих», негативных и позитивных стереотипов при построении «эффекта реальности» [С. 304]. Метод дискурс-анализа, к которому прибегает автор, позволяет выявить приемы производства и закрепления культурных форм в массовой продукции. Особое внимание уделяется тому, как в процессе создания дискурса происходит выбор из множества событий того, что определяется автором как «значимое» для общественного потребителя, как происходит выбор языка повествования, соблюдение «формульности» персонажей и поступков. Риторика войны анализируется на обширном материале фильмографии, исторического и политического контекстов, востребовавших подобные образы Врага, дискурс Войны в целом. Завершает анализ призыв Г. Зверевой, обращенный, по большей части, к производителям популярной литературы, коммерческого кино и сериалов обратиться к продуцированию «позитивной политкультурной дидактики и содействовать созданию толерантных моральных установок в обществе, где бытуют и укрепляются ксенофобия и шовинизм».

Рецензируемый сборник создан на базе исследований образа врага в русской культуре. Сборник репрезентирует плюрализм концепций и представляет работы, выполненные в рамках социологического, исторического и социокультурных подходов исследователями разных стран. Компонировка материалов осуществлена так, что разработки воспринимаются читателем не как разрозненный материал, но как некая цельность, массив данных, дополняющих друг друга и конструирующих единую картину при дескрипции и анализе образа Врага. Тексты, включенные в сборник, написаны академичным языком, который так же будет доступен и массовому читателю. Книга может быть рекомендована не только научной аудитории, но широкому кругу лиц, интересующихся историческими, социальными и политическими посылами, а также механизмами конструирования образа Врага в массовом сознании.

Юлия Владимировна Олейникова,
аспирант кафедры социальной антропологии
и социальной работы Саратовского государственного
технического университета
электронная почта: yldoz@yandex.ru
